

ЕЛЕНА ВЕЧТОМОВА

ВОПРОКИ ВСЕМУ

ИЗ ЛЕНИНГРАДСКИХ БЛОКАДНЫХ ЗАПИСЕЙ

1943 — 1944 гг.

1943 г.

18 января. Понедельник.

В 4 часа 30 минут утра, только легла спать — стук в дверь. Илья Груздев: «Елена Андреевна! Блокада прорвана! Нас зовут на радио!»

Вскочила. Разбудила своих. В шинели, без кителя, почему-то с тремя рукавицами в кармане и, как потом обнаружилось, без чулок, в валенках — бросилась на улицу. Ночь светлая, снежная.

— Сегодня без пропусков. Как пасхальная ночь!

Мы обнялись, поздравили друг друга. Подошел Борис Четвериков. На Итальянском мостике нас остановил патруль. Проверил документы. Тоже поздравил.

Блокада прорвана! На радио всех пропускали в студию. Бледные, осунувшиеся, сияющие лица. Целуемся с Олей Берггольд, Борей Лихаревым, Бабушкиным. Из репродукторов — то лозунги, то песни, то музыка — без передышки, то выступления писателей, бойцов.

Надо делать то, что для тебя самое естественное, — у микрофона набросала 12 строчек, прочла:

Друг, товарищ мой за Ленинградом,
Ты мой голос слышал за кольцом.
Дай мне руку. Прорвана блокада.
Сердце к сердцу — посмотри в лицо!

Кровь друзей, взывавшая к отмщенью,
На полотнах полковых знамен.
Но вовек убийцам нет прощенья.
Прорвана блокада. Мы идем.

Друг, теперь мы вместе наступаем.
Никогда не повернем назад.
Мой сынишка — ленинградец — спит, не зная,
Как сегодня счастлив Ленинград!

Выступали очень волнуясь. Груздев не мог удержаться от слез. Да и не он один. В студии топилась печка. Музредакторы подкидывали в нее полешки. Мы, приплясывая, ходили по глухим коврам и то и дело принимались обниматься: «Дожили! Не зря всё было!» Да, не зря.

В кабинет Широкова подходили всё новые писатели, раненые бойцы, инженеры, музыканты. Выступив, оставались в студии, слушали товарищей.

Как корреспондент сразу получила задание ехать на передаточный пункт и сделать очерк о бойцах, раненных на прорыве.

Ширина прорыва всего 14 километров, а мир открылся необозримый.

В осажденном городе оставалось всего 40 писателей. Не было электроэнергии, зимой 41-го даже не выходили газеты — мы работали на радио, читали в госпиталях, в воинских частях. Не ходили трамваи — мы ходили пешком многие километры. И не теряли чувства юмора. Родилась поговорка, когда был пущен первый трамвай: «Если есть время — поезжай на трамвае, если нет — иди пешком». Из-за тревог трамваи то и дело останавливались, едущих отправляли в бомбоубежище. Пешком же мы, невзирая на бомбежки и артобстрелы, а главное на бдительность милиционеров, ухитрялись пробираться через проходные дворы и развалины.

В оледеневшем Доме писателя даже в первую черную блокадную зиму проводили устные альманахи, обсуждали новые рукописи. Хмельницкий поразил всех нас, ведя альманах, как в мирное время, в костюме, а стены то были покрыты инеем.

На столиках возле дверей закрытых магазинов продавали книги. У меня одномомник Маяковского с обгорелыми страницами — его спасли при пожаре Печатного двора.

...У ленинградцев раскрываются скрытые душевные силы. Переводчица А. Курошева, оказывается, пишет стихи. И какие сильные! И знают эти стихи только немногие.

...Когда вернулась домой, позвонил П. В. Шевцов — командир минзага «Марти», историю которого Юра * не успел закончить и Пубалт по настоянию Вишневого поручил дописать мне. Шевцов слушал нашу передачу.

Невероятная концентрация воли на одной мысли: «Победить!» Мы вспомнили с Шевцовым краснофлотца Хусаинова. Он был убит во время боя. Ему переломило позвоночник. Но когда прозвучала новая тревога, Хусаинов начал подниматься с палубы. Это сильнее, чем «Мертвые, прежде чем упасть, делают шаг вперед»!

У каждого из нас «нагрузки» удесятеренные. У меня: Пубалт, радио, история ремесленного училища, Горком писателей, бюро пропаганды СП.

25 декабря зашла в комнату писательской группы в Пубалте. Л. Успенский даже в форме имеет домашний, штатский вид. Показывал свои «карманные вещи»: портсигар — громадный металлический сундучок — и зажигалку-магнето. Часы у него идут по уральскому времени, где живет сейчас его семья. Шофер привез откуда-то две маленькие елки — одну группа подарила мне для Сережки.

3 января в Доме писателя устроили елку для наших ребятишек. Всего то неэвакуированных 10—12 человек. Тихие. Но Е. В. Дружинина их развеселила. Елка — дело ее рук.

Устраиваем творческие отчеты. Б. Тимофеев читал свою поэму, В. Дружинин «отчитывался» два вечера. Гас свет — продолжали в темноте. Опять загорелось. Чудесные стихи прочла Н. Крандиевская! В гостиной сложена плитка. Мы вокруг — в шубах, тулупах, шинелях.

Ночь 18 января нельзя забыть. Несмолкающее радио. Взволнованные ленинградцы на улицах, светлых от луны. Сейчас только писать и писать. Не только об Армии и Флоте, а и о людях самого мирного труда, не прекращавших работы в нашем городе. Как только они выходят из положения! Нас всех в Литфонде лечит гинеколог Р. М. Беккер — и мужчин, и женщин, и детей. К счастью, она в прошлом — земский врач, значит — универсал. Под любым обстрелом приходит, похожая в профиль на Данте,

* Юрий Инге (о нем см. на стр. 597—602 настоящ. книги).

всегда с добрым словом. Не знаю, что лучше помогает: ее отношение или лекарства. У самой сломана рука. Все равно ходит — лечит.

Обыкновенные люди, не имеющие никакой специальности, помогают Ленинграду. Мама с соседками по дому организовала санитарный пункт и дежурит в нем.

Кроме военных госпиталей, работают гражданские стационары — вырывают людей у смерти, спасают раненых на улицах, в домах, в детских садах. Работают школы, даже ателье мод на Невском 12, даже детская балетная группа Обранта.

После первой зимы важно было вернуть людей к жизни, вдохнуть в них бодрость, помочь приобрести достойный вид, ведь мы прожили зиму без отопления, почти без воды, почти без еды. Проблемой являлось даже сохранение в должном виде одежды, уборка жилища, баня. И все же город уберегли от инфекций. Не было никаких эпидемий. Девушки ПВО, дружинники, управхозы, работники госпиталей следили за санитарным порядком.

Фадеев, как увидел писателей, так сразу скомандовал: «Ордера! Ордера всем! Нужно одеться...»

Директор 15-го ремесленного училища В. И. Анашкин спросил мастера Самарина: «Что лучше действует на ослабевшего человека — слезы или песни?» И сам ответил: «Песни!»

Дело было в феврале 1942 года.

Опухшие лица, замедленные движения обоих разговаривавших. Двор, заваленный черным снегом. И тем не менее это было предчувствие перелома. В начале войны большинство ремесленных училищ было эвакуировано. Те, что остались, переносят все испытания, выпавшие городу-фронту.

В училище фантастическая жизнь. Похожие на тени люди сходились на... репетиции. И странное дело — с каждым днем дело шло живее. Ребята глядели веселее, хотя паек оставался прежним. И 23 февраля постовые милиционеры были поражены необычайным зрелищем. Ремесленники с песнями «маршировали» в училище. Не было на них ни дистрофических шарфов, ни платков, намотанных на головы. Чистые полосочки белых воротничков окружали тонкие шеи. Ребята были аккуратно подстрижены. Они шли строем и пели. Пели! Это было настолько диковинно, что милиционеры козыряли им.

В столовой играл оркестр. Официантки в белых наколках подавали микроскопические порции праздничного обеда из трех блюд.

С этого дня училище стало набирать темпы, восстанавливать цеха, работать.

Примерно тогда же — зимой 1941/42 года — командир лыжного отряда Обрант получил боевое задание:

— Вы балетмейстер? — спросил его начальник политотдела, — придется вспомнить об этом. Необходимо срочно организовать агитвзвод.

В Ленинград Обрант прибыл ночью. Город казался вымершим. Но именно тут нужно было найти людей, которые бы играли, пели, танцевали. Обрант пошел во Дворец пионеров, хотя знал, что Дворец «законсервирован». Осталась же там горсточка охраняющих его людей!

Друзья встретили командира возле печурки так, будто все было по-старому, когда он работал здесь. Они проговорили всю ночь. Спокойные, чудесные люди — исхудалые, в серых ватниках — мечтали о том времени, ради которого можно вынести всё. Выслушав, зачем приехал Обрант, балетмейстер Варшавская сказала твердо:

Е. А. ВЕЧТОМОВА

Фотография. Ленинград, 1943

Собрание Е. А. Вечтомовой,
Ленинград

— Танцевать будут наши дети!

Утром педагоги отправились на поиски тех, кто не был эвакуирован. Ребят привезли на санках, так они были слабы. Приглашенные из госпиталя, расположенного во Дворце, врачи только покачали головами. Но командование приняло детей воспитанниками в часть и отправило в стационар. Там они быстро окрепли. А педагоги засели за составление учебной программы. Вера Мефодьева, Валя Штейн, Феликс Морель стали членами агитвзвода. Работая в армии, они продолжали учиться. Жили в поселке Рыбачком. Отсюда их прозвище «рыбачата». Какую нравственную силу нужно иметь, какую непоколебимую веру в нужность своего дела, чтобы сотворить такое чудо!

Фабрика горела уже второй раз. Фашистские самолеты никак не хотели оставить ее в покое. Зажигательные бомбы так и сыпались на фабричные корпуса. А совсем рядом раскинулся веселый рабочий городок. Деревянные коттеджи с палисадниками вот-вот могли вспыхнуть, как спичечные коробки.

Не успела дежурная пожарная охрана занять свои места, как фашисты начали ураганный обстрел.

Из барака, расположенного в стороне, уже бежали бойцы комсомольского полка. Тоненький, как тростинка, политрук Авербах кричал:

— Не терять хладнокровия! Занимайте крыши!

По воздуху летали горящие клочки хлопка. Огонь подбирался к складам сырья. Грозил сжечь весь городок.

Бойцы рассыпались по улице. Живо карабкались они на крыши и устанавливали живые цепи, чтобы передавать ведра с водой. Работала совсем зеленая молодежь — школьники, ремесленники.

Катя Волгина одна из последних выбежала из барака. Она читала учебник ботаники, сидя возле времянки, когда началась тревога. Бро-

сила книгу, торопливо одеваясь на ходу, оглянулась — не забыть бы что нужное. В углу на стене, украшенная большим голубым бантом, висела гитара. Новые туфли валялись под столом. «Эх, не убрала!» — подумала Катя, но задерживаться было некогда, она махнула рукой: «Потом!»

Выбежав в темноту улицы, она сразу услышала голос Авербаха и кинулась к ближайшему дому занимать место в цепи. Тем, кто работал внизу, было полегче, тем, кто стоял выше, приходилось жарко. Волгина подняла полное ведро воды и, передавая его дальше, увидела, что тонкие ноги ее соседки дымятся. Чулки вот-вот затлеют от близости огня. Она плеснула водой на эти тоненькие ноги и передала ведро.

Становилось всё жарче.

Горящий хлопок ловили, затапывали, заливали. На каждой крыше тушили по пять-шесть загораний. Жители городка были эвакуированы. Их имущество надо было спасти во что бы то ни стало.

— Девушки! Что делается! — крикнула Васильева и даже замерла на секунду. Огонь перекинулся к комсомольскому барaku. Там не оставалось никого. И туда никто из них не мог пойти. Пойти — значит бросить свое место.

— Волгина! Там наше всё...

— Ясно всё. Ну, значит, пускай. Мне гитару жалко, — крикнула она и вдруг вспомнила туфли — новенькие, серые с белой отделкой на граненом каблучке. Ей захотелось заплакать. Чудесные туфли, о которых она так мечтала и наконец купила. — «А чёрт с ними!» — подумала она и, чувствуя, что кофточка на ней самой начинает дымиться, оттолкнула выбившуюся из сил соседку и заняла ее место.

Острая молния вырвалась из окна барака. Видимо, пламя уже давно бродило и бушевало внутри и теперь прорвалось через крышу.

Всё было кончено с комсомольским баракom.

Хлопок падал на крыши всё реже. Пожарные команды отстояли фабрику и городок. Он стоял неповрежденный, но весь в черных следах копоти, сажи, в потеках воды.

Снаряды ложились рядом. Политрук Авербах, всегда такой чистый и щеголеватый, проходил по улице весь перемазанный гарью, в разорванной гимнастерке.

По одному бойцы присоединились к нему.

Вот и все собрались вместе. Деревянный городок стоял невредимым. Помятые палисадники пахли мокрой осенней землей. Можно было жить, отдыхать, работать. Обстрел кончился. И в утренней тишине дышалось легко.

— На покой? — пошутил Авербах, обращаясь к девушкам.

— А куда?

Возвращаться было некуда, и бойцы двинулись к фабрике.

Бомба прошла перекрытие и повредила трубы центрального отопления. Вода хлынула в знаменитое ателье на Невском 12. Она прибывала, заливая склад и закрытый цех. До сих пор здесь был только магазин. Полированное дерево панелей, алебастровые плафоны отражались в воде, заполнившей помещение.

Склад и цех прежде находились в Гостином дворе. После пожара работницы на себе перетаскивали сюда тюки с товаром. Здесь их настигла вода.

Уже погружались в мутные потоки тяжелые тюки золотистого трикотажа. Раскroенные заготовки, точно осыпавшиеся лепестки, плавали в воде. Будущие платья распадалась на составные части. Труд последних дней уничтожался разом.

Мария Михайловна Школова, директор комбината, и Наталья Викторовна Воскресенская, завмаг, дежурили в это время на вышке. Получив донесение об аварии, они бросились вниз.

Всю ночь, пока завхоз Фролов чинил лопнувшие трубы, они вместе с работницей магазина Фраг вытаскивали из склада тяжелый намокший трикотаж, спасали то, что еще не было тронуте водой.

Осторожно, оледеневшими пальцами женщины отжимали раскройки. И утром, после бессонной ночи, пряча сведенные судорогой руки в карманах пальто, Наталья Викторовна встречала рабочих:

— Выше голову, не падать духом!

А Мария Михайловна на себе потащила мокрые тюки домой. Маленькая ее квартирка стала прачечной. На длинных веревках сохли полотенца трикотажа, отмытые бережно, так, чтобы, боже упаси, не соскочила ни одна петля. Все было сохранено.

— Пятно на материи можно вывести, след на сердце — никогда, — сказала старая кассирша, покачив головой.

Все суровее становилась обстановка в городе. Сыреть ждать было неоткуда.

Можно было, сославшись на отсутствие руководства из главка, просто закрыть ателье, но люди продолжали работу.

Выбыло из строя центральное отопление. Погасло электричество. Воскресенская пододвинула к самой двери два столика для продавщицы и кассира. И при неясном свете короткого зимнего дня продолжалась работа.

Шить в оледеневших цехах стало невозможно. Теперь квартира Марии Михайловны превратилась в закройный цех. Старейший модельер Елизавета Ивановна Стулова орудовала тут, став закройщицей. Портнихи работали у себя дома, при коптилках. Неиссякаемая жизненная сила двигала усталыми, исхудавшими людьми.

Остановились трамваи. Люди впрягались в санки, не желая сдаваться. Не желая уходить с постов под бомбежкой и обстрелами. Перетаскивали печки в свой закройный цех, а Мария Михайловна на санках перевозила капризные закруточные машины. Возили трикотаж с «Красного знамени».

Первоклассная вышивальщица — художник Кошутина почувствовала, что спешит. Она ощупью добралась до квартиры на Суворовском проспекте, постучала опухшей рукой в дверь Школовой.

— Что делать?

— Придумаем, придумаем, — волнуясь убеждала ее Мария Михайловна. Эта маленькая женщина, коммунистка и ленинградка, верила, что выход всегда найдется. Надо только сильно захотеть.

Кошутину положили в стационар, пригласили врачей. Зрение было восстановлено.

Весной Мария Михайловна писала своей эвакуированной дочери: «Милая Белка! У нас все хорошо».

Как ей хотелось, чтобы дочь знала всё, но она стискивала зубы, и жесткая складка появлялась возле ее губ. «Нас хотели закрыть, но мы теперь расширяем производство. Вот приедешь и увидишь!» Она задумалась, глядя на потухающие угли во времянке. «Карточку свою я тебе пришлю в другой раз».

Косматый иней затянул все помещение.

— Никогда не думала, что стены цеха будут у нас покрыты плюшем, — шутила Стулова, принимая заказы у мастериц.

Первого мая 42 года сняли деревянную обшивку с витрин ателье Солнце хлынуло в окно, согревая безупречно белые стены, ряды платьев на деревянных «плечиках». Платья висят недолго. Их не успевают прино-

силь. Скромные фасоны разнообразны. Весной женщины хотят надеть свежие платья даже под обстрелом.

Как танкисты, чинящие танк под огнем, работники ателье отстояли свое жизнерадостное мастерство. Они вступили во вторую блокадную зиму во всеоружии, отопили цеха. У них горит электрический свет. Они не сдаются.

В Ленинграде работает несколько театров, филармония, эстрада. Я была на концерте А. С. Егоровой. Нельзя не написать о ней.

Взобравшись на грузовик, расстегнув ворот шубки, Александра Степановна пела перед бойцами. Было так тихо, что осыпавшийся с ветки снег зашуршал слышно для всех по твердому тонкому насту. Ее не хотели отпускать. А утром, проснувшись дома в Ленинграде, Егорова не могла произнести ни слова. Ее голос помнили в воинской части, а голоса уже не было.

Два месяца должна была она молчать по настоянию врачей. Но наконец она снова на сцене. В холодных аудиториях, где бледные опухшие люди в тулупах, шубах, в валенках сидели, не снимая рукавиц, и где пар от дыхания возносился к эстраде.

Маленькая женщина-скрипачка, с потемневшими от холода руками, подымала смычок, и легкая, дерзкая музыка Сарасате взлетала, раздвигая ледяные стены зала камерной музыки. Она играла, и ленинградцы забывали о голоде, холоде и бомбежке.

Егорова пудрила руки, чтобы не видели их багровый от холода цвет в зале. Пар вылетал и из ее губ. Двигаться было трудно. Но об этом знала только она сама. Звонел ее голос. И люди улыбались, слушая, глядя на высокую тонкую женщину в черном вечернем платье с ослепительно белой отделкой. Им становилось легче.

...Когда корреспондент военной газеты спросил Александру Степановну, в какой боевой обстановке ей приходилось работать, она ответила:

— Это насчет того, как я «ползала под обстрелом»? В этом роде? А я никуда не ползала. Не вырывалась из окружения. Я этого не умею. Я — актриса.

И машинально выключила радио, передававшее сигнал воздушной тревоги. Натянула перчатки и вышла на улицу. Дисциплинированный и точный человек, она ни разу не опоздала на работу, не отложила концерта.

Вместе с нею выступает композитор Вера Арманд. Однажды они были у моряков в госпитале. Капитан третьего ранга, как бы извиняясь, спросил: «Вы не обидитесь? Вы можете спеть только для одного человека? У него менингит. Опасная апатия после ранения, и врачи говорят, что надо попробовать...»

Окончив свой концерт в зале, Егорова читала и пела для одного. Равнодушное лицо больного едва заметно оживилось. Потом улыбка тронула губы. Он рассмеялся.

Поправившись, он называл эту встречу живою водой.

---

30 лет тому назад хирург Оглоблина — ученица выдающихся мастеров, великолепный диагност, воспитавшая сотни врачей, — окончила институт. Спервой тревогой она осталась ночевать в больнице имени Эрисмана и несколько месяцев не выходила оттуда. Сломленная переутомлением, она слегла там же. Едва поправившись, снова заняла свое место в операционной.

«ЛЕНИНГРАД»,

1942, № 7

Обложка журнала.

Рисунок А. Ф. Пахомова.

ЛЕНИНГРАД № 7
1942

Одна из первых бомб в тонну весом упала на территорию больницы и не разорвалась. Все глубже уходила она в топкую землю. Понадобилось вырыть огромную воронку, «оперировать» почву, подвести под застрявшее в ней инородное тело, грозящее смертью и разрушением, полозья, чтобы наконец извлечь. Эта операция потребовала нескольких суток работы.

Теперь над этим местом разведен огород.

Оглоблина не извлекала бомбу. Она была у операционного стола. В операционной вылетели все стекла. Трижды бомбы и снаряды разрушали корпуса, в которых работала Зинаида Васильевна. Стекла заменяли фанерой, позже — камнем. Разбита одна операционная, погибли драгоценные инструменты и аппаратура, препараты — оборудовали другую. Разбита и эта. Хирурги переходят в третью. Тем временем восстанавливают первую, но когда Оглоблина собирается перебраться туда, — снаряд разворачивает эту операционную. Работа хирургов не прекращается ни на день. Раненых на носилках выносят из-под обстрела.

Ампутации, резекции, извлечение осколков, полосные операции, и каждая в таких условиях — борьба хирурга со смертью.

Как-то после обстрела в больницу доставили раненого мальчика. Это оказался сын одного работника нашего полпредства за границей. Мальчик находился в Роттердаме, когда фашисты зверски разбомбили этот город. По дороге на родину его преследовали обстрелы и бомбежки, как будто враг охотился за ним и настиг в Ленинграде. Мальчика спасла Оглоблина.

Другой мальчик-ленинградец был ранен осколком на лестнице по дороге в бомбоубежище. Матери его не было дома. Она прибежала в больницу после того, как Оглоблина оперировала его, и жизнь его была вне опасности. Но он волновался:

— Мама, а как же карточки? Я не взял их с собой, и их разбомбило. Пришлось сказать, что продуктовые карточки целы.

Тонкие, спокойные, прекрасные руки. Их спокойствие почти невероятно. Люди учатся дышать ровно во что бы то ни стало, владеть своими движениями, подчинять воле любое волнение.

1944 г.
15 января

Честно говоря, ленинградцы не могли себе представить этот день ясно. Разом начался шквальный огонь и не прекращался больше двух часов. Перерыв и — дальше гремел целый день. Взято Красное Село и пошло... пошло...

Когда радио передавало приказ о том, что снята блокада, мы с Сережкой шли из детского сада. Свернули на Невский, заторопились к Дворцовой площади. Кругом спешил народ. Группы всё увеличивались. Но как они малы по сравнению с мирным временем. Как мало осталось нас в Ленинграде!

Едва мы вышли на площадь, как грохнул первый залп салюта и разом все небо осветилось разноцветными звездами. Сережка притих от восторга. Мы стояли между пушкой и шутихой, из которой летели золотые искры. Сергей только спросил:

— А что это воеет, точно снаряд?

Как снаряды воют, он знает. Он ошеломлен. Очарован. Ленинград светлый, сверкающий, дымный, весь в звездах.

— Если такие большие звезды не держатся на небе, значит маленькие уж наверное упадут?

Мы стояли среди праздничного города, там где столько раз бывали с Юрием.

...В Москве вышла Юрина книга «Вахтенный журнал» — избранное. Бережно отредактировал ее Зенкевич. Спасибо ему. Телеграмма от Фадеева: «Милая Лена поздравляю победой Ленинграда. Юрина книга вышла хорошей».